

Ему просто забыли сообщить; письмо из Франции замкнуто в одном из саркофагов ССП.

Хохотал он по-простецки, откидываясь назад. Впечатление о нем как о большом, сильном, широкоплечем.

Какой-то писатель-реэмигрант, похожий на побитую собаку, рассказывал о встречах с Буниным в Париже. Сидели в кафе, пили крестьянскую водку. «Эх, хорошо,— говорил Бунин,— пахнет новыми сапогами» (вот тут захохотал Твардовский). Стихов за границей почти не писал. Два четверостишия о канарейке («На родине она зеленая...» — Брэм) — едва не заплакала.

И сейчас у меня от «Канарейки» — ком в горле. В короткие восемь строк вмещена горькая доля не только Бунина — миллионов русских людей. Оказавшись всерьез и надолго на чужбине, отчасти по своей, отчасти по чужой воле, можно сколько угодно хорохориться, играть в бодрячка, щеголять новомодным словом «интеграция» (будто бы легко достигаемая и уже достигнутая иными товарищами по судьбе). Но душа все равно болит, и ничего с этим не поделаешь...

Канарейку из-за моря
Привезли, и вот она
Золотая стала с горя,
Тесной клеткой пленена.
Птицей вольной, изумрудной
Уж не будешь, — как ни пой
Про далекий остров чудный
Над трактирную толпой.

(1921)

Второе восьмистишие, услышанное на том памятном вечере, лишь недавно открылось мне по-новому. Понадобилась целая жизнь, во всяком случае большой кусок ее, чтобы первая строка поэта легла на евангельские слова и сразу приобрела дополнительную значительность и глубину: «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:20). А вот как это у Бунина:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой наемный дом
С своей уж ветхою котомкой!

(1922)

Одно из предельно обнажающих смысл стихотворений Бунина, созданных в эмиграции, — «Петух на церковном кресте». Под ним стоит дата — 1922 год; год, когда все унижения вынужденного переезда на чужбину остались как будто позади. Но есть в нашей жизни события, не имеющие срока